

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

ШВАТ - АДАР | 5776

ПЕТРОЗАВОДСК

ФЕВРАЛЬ 2016

№ 211

ТРАГИЧЕСКИЕ АКТЕРЫ ИЛИ САМОБИТНАЯ НАЦИЯ?

Наш национальный характер многогранен, и в этом одна из причин, почему большинство других народов не понимает нас. Они всегда видят только одну сторону, одну грань и думают, что это все. Их поражает, разочаровывает или, по меньшей мере, просто удивляет, когда им вдруг становится ясно, что в нашем характере есть и другие стороны. И, тем не менее, существуют две основные силы, которые воздействуют на нас и имеют наибольшее значение для понимания нашей сущности. Одна четко выраженная сила - это наша паразитическая способность видоизменяться, приспосабливаться, становиться похожими на людей, среди которых мы живем. Я бы сказал, что это в какой-то степени верно, даже когда мы говорим о чисто внешней, биологической стороне нашего облика. Можно наблюдать, что происходит с евреями, которые переселяются из одной страны в другую. Изменения заметны уже при сравнении людей второго или третьего поколения. Например, если мы сопоставим современного еврея из России или Польши с его родственниками во Франции или, особенно в Америке, чьи родители эмигрировали в начале века, то различия даже в физическом облике весьма впечатляющи.

Но это лишь одна и не самая существенная сторона дела. Подлинная способность к приспособлению проявляется гораздо глубже, и она связана с нашей способностью впитывать окружающую культуру. Чтобы лучше понять это, попробуем обратиться к явлению очень сходному, которое принято именовать левантизмом. Человек левантского типа тоже очень легко и быстро способен изменяться, схватывать новые языки, перенимать манеру одеваться и вести себя. Но это всего лишь мимикрия, она не затрагивает внутреннюю сущность.

Наша адаптация совершенно иная, это внутреннее преобразование. С языком чужого народа к нам приходит глубокое понимание его духа, его чаяний, его образа жизни и мыслей. Мы не просто обезьянничаем, а становимся частью этого народа. Более того, спустя некоторое, часто очень недолгое время мы оказываемся в состоянии понять этот народ лучше, чем он сам понимает себя.

Этот феномен вовсе не означает, что евреев так уж любят в странах, где они прижились и стали частью окружающей культуры. Нет, это вызывает обиду и возмущение. У других народов складывается ощущение, что евреи не только поработают их экономически, но и похищают их душу. Мы становимся национальными поэтами, драматургами, художниками других народов, а через некоторое время даже их мозгом и устами. Мы становимся большими англичанами, чем сами англичане, большими немцами, чем сами немцы, большими русскими, чем сами русские. На эту тему есть много историй, звучащих как анекдоты, но на самом деле мы уподобляемся тому актеру, который не только играет роль, но и сам становится на сцене тем человеком, чью роль он исполняет. Если талантливый актер играет на сцене роль какого-то человека, то создаваемый образ в известном смысле правдивее, чем характер этого человека, ибо актер отыскивает его самые типичные детали и наиболее яркие индивидуальные особенности... И если евреи пытаются играть роль, то не как заурядные лица и жалкие комедианты, а так, как играют великие трагические актеры. Подражая народам, среди которых они живут, они изображают, скорее, тип народа, нежели просто отдельных его представителей. Возникает вопрос: как евреем это удается? Огромное давление, оказываемое на наш народ, изначально народ маленький и слабый, всегда означало одно: что мы должны либо адаптироваться, либо умереть. И те, кто не сумел приспособиться, действительно умирали. Те же, кто обладал талантом в каждом новом месте уподоблялись этому месту, точнее, живущему здесь народу, - те выжили. В этом состоит одна из могущественных черт нашего национального «грима». Но вот другая, не менее важная, сторона. У нас в душе постоянно звучит властный зов. То, чего он требует от нас, есть нечто совершенно противоположное приспособлению и изменению. Этот зов - стремление к самопознанию. Иными словами, в нас есть какое-то ядро, какие-то трудно объяснимые элементы нашего существования, от которых мы не можем избавиться. На протяжении многих поколений еврейской истории не раз бывало, что мы пытались это сделать. Иногда после того, как одно, два или три поколения, казалось бы, уже приспособились и ассимилировались, из сохранившихся ростков вдруг снова вырастал древний ствол, как будто и не было никакой ассимиляции. Это как раз то свойство, которое, прежде всего, замечают в евреях другие народы с самого начала нашей истории, а именно, что мы - самый упрямый народ в мире, который невозможно покорить, народ, который можно погрузить в воду, но нельзя утопить, который можно разорвать на куски, но эти куски, благодаря заключенной в них внутренней силе, вновь соединятся в единое жизнеспособное целое.

Как будто налицо очевидное противоречие. Но если взглянуть в проблему пристальнее, мы увидим, что эти два свойства нашего народа противоречивы только внешне. Просто способность к приспособлению означала бы, что мы должны были бы раствориться в других народах. Лет через сто мы исчезли бы, уподобившись другим народам. И те из нас, кто действительно хотел этого, стали-таки частью других народов, если не сами, то в своих потомках. Но выжили - не как индивидуумы, а как нация только те, кто обладал особым свойством, придававшим особый смысл нашей способности приспособ-

сбавляться и изменяться. Это свойство заключается в том, что в такой же мере, в какой мы изменяемся, мы все-таки продолжаем помнить, что мы - евреи и есть в нас нечто особое, и, в конечном счете, мы все-таки не похожи на других. Итак, мы гибче, податливей, чем что бы то ни было на свете. И в то же время мы тверже, чем сталь. И в этом в конечном итоге секрет того, что в течение двух тысячелетий мы сумели выжить и сохранились.

Эта двойственность еврейского характера обычно объяснялась, как результат жизни евреев под гнетом. Однако в действительности эти характерные черты так глубоко в нас заложены, что мы не можем просто взять и оторвать их по своей воле. И самый существенный элемент в еврейской жизни нашего времени - государство Израиль, - по сути дела, пример того, насколько устойчивы эти свойства. Снова - даже если говорить о физическом облике евреев, когда мы смотрим на типичных людей из нового поколения сабр, мы видим в них их родителей. А вместе с тем кажется, что дети здесь очень непохожи на своих отцов и матерей. Они в большинстве своем выше ростом и сильнее физически. Они выглядят по-иному; они явно по-иному действуют и думают.

И здесь мы подходим к едва ли не самому драматическому парадоксу. Государство Израиль создавалось на основе двух противоречащих друг другу стремлений. С одной стороны, это было движение за самовыражение еврейского народа, а с другой - это национальное движение, развивавшееся в условиях войн и жесточайшей борьбы за существование, обладало очень ясными и в чем-то специфическими представлениями о том, чего оно хочет достичь.

Основатели Израиля мечтали создать здесь новый тип человека разностороннего, прекрасного, сочетающего в себе духовные качества и внутреннюю духовную силу еврейского народа, накопленную за долгие века, вроде Виленского Гаона, и в то же время обладающего свойствами и способностями такого человека, как Спартак. Этот человек, унаследовав духовное величие прошлого, должен был приобрести черты, которых, по мнению евреев, ему прежде всего не хватало, - физическую силу, прямоту, умение сражаться и сражаться хорошо, способность жить оседлой жизнью в своей стране. И поскольку наши отцы считали, что духовный элемент заложен в народе настолько глубоко, что нет нужды его укреплять, они стали, прежде всего, учителями, просветителями, создателями нового типа евреев... И они преуспели.

По правде говоря, даже чересчур преуспели - в создании нового типа, который, если вдуматься, является не подражанием какому-либо народу, но, скажем, чтобы это не прозвучало слишком антисемитски, подражанием некоему абстрактному идеалу нееврея. Они преуспели в создании того, что по существу не было ни русским, ни английским, ни французским. Появилась нация, лишенная подлинной сердцевины нашего народа. Она выросла здесь, в Стране Израиль, но по своему образу жизни, по способу мышления она стала гораздо более нееврейской, чем, может быть, какая бы то ни было нееврейская нация.

Однажды кто-то сказал: нееврей - это не еврей, но подлинным, законченным неевреем может быть только еврей. Итак, появилось поколение, у которого есть масса превосходных качеств. Но до чего же оно странное! Черты, которые считались типично еврейскими, - гибкость ума, углубленность, обширные знания, самокритичность, - качества, которые были частью нашей сути, исчезли. Мы стали совершенно другим народом: очень целеустремленным, неспособным меняться, неспособным сомневаться в себе и критиковать себя. Мы снова с успехом приспособились, но не к тому, что реально существует, а к тому, что мы создали в своем воображении. И дело не только в том, что это трагично само по себе, а в том, что, поскольку наше государство имеет такое значение, оно становится образцом для подражания евреев диаспоры, притом нередко отрицательным образом.

Мы этого совершенно не хотели, однако наши намерения тут мало что значат. Куда важнее вопрос: сумеем ли мы сохраниться и выжить в таком нееврейском качестве? Проблема самобытности куда важнее, чем экономические и даже политические проблемы. Если последние постоянно меняются, то это относится к самой сути нации.

Неужели нас устраивает роль во второстепенной пьесе? Не лучше ли стать, наконец, самими собой? Но для этого надо сделать все возможное, чтобы выяснить, что же мы собой представляем изнутри, выявить, какой образ живет в наших сердцах и как он должен развиваться теперь, когда отпала нужда в приспособлении. Кажется, актер уже сыграл весь репертуар, и теперь его спрашивают: «А сам-то ты кто? Что ты собой представляешь?» В этом и состоит проблема: можете вы быть только актерами, или у вас есть свое собственное лицо?

Агун Штейнзальц

ГРИГОРИЙ КАЦ: «Я РОДИЛСЯ ПОД ВЫСТРЕЛЫ»

С журналом «Алеф» у меня связано несколько очень теплых и эмоциональных историй: благодаря опубликованным материалам несколько раз находились родственники и друзья героев интервью. На сей раз через редакцию меня разыскал необычный человек, - земляк, ветеран Великой Отечественной войны, кадровый военный, полковник, долгие годы служивший заместителем начальника передающего центра в Полевом узле связи Генерального штаба МО СССР, Григорий Натанович Кац. Оказалось, он прочитал несколько публикаций, посвященных членам Петрозаводской городской еврейской общины, и решил поделиться своими воспоминаниями о жизни в городе на берегу Онега в далекие двадцатые и тридцатые годы прошлого века.

- Григорий Натанович, расскажите, пожалуйста, как ваша семья оказалась в Петрозаводске.

- До революции мой отец Нота Гершевич Кац и мама Рахиль Боруховна жили в Санкт-Петербурге, там родились две мои старшие сестры - Люба и Ида. Папа родом из Белоруссии, из местечка Буйничи (его год рождения - 1881), по профессии он столяр-краснодеревщик, мастер на все руки. Кстати, этот дар передался и мне: всю жизнь люблю работать с техникой, что-то чинить, изобретать. Судя по всему, первоначально отец занимался не только ремеслом, но и предпринимательством. Когда строили Николаевскую железную дорогу, он в этом участвовал. Продвигаясь все дальше на север, добрался до Петрозаводска, который был тогда одним из крупных транспортных узлов. Там семья и обосновалась. В Карелии у мамы с папой родились еще трое детей - две сестры (Рива и Бейля) и я (в 1921 году). Мама рассказывала, что я родился под выстрелы - в городе еще бродили группы белофиннов, под окнами частенько возникали перестрелки.

После революции отец стал простым рабочим на Лососинском деревообрабатывающем комбинате. О родне отца почти ничего не знаю, кроме того, что брат Ноты Гершевича (по воспоминаниям мамы) жил в Лондоне и работал трубачом.

Мама родилась в Могилеве в 1888 году. Известно, что ее отец Борух Шухат преподавал древнееврейский язык. Мама всю жизнь была предана семье, работала с нас. Родители жили дружно, любили друг друга, в семье царил лад и понимание, несмотря на многочисленные трудности. Богатства в доме не было, одна пара лыж приходилась на пятерых детей, из-за чего порой возникали споры и стычки. Отец меня обожал - я был долгожданным сыном.

Сначала жили на Сенаторке, - возвышенности за Неглинкой, там стоял дом, где я родился. Через несколько лет переехали на проспект Ленина, 48. Этот деревянный двухэтажный добротный дом (располагался в самом центре, напротив современного здания Правительства Карелии), как и еще два в городе, принадлежали польскому еврею Беневичу. Он сдавал комнаты в аренду жильцам - у него квартировали, например, братья Гуткины. А еще владел хозяйственным магазином. Как сейчас смотрю на Беневича - холерный, с седой бородкой, всегда хорошо одет, в шляпе и с элегантной тросточкой.

На проспекте Ленина в то время стояли деревянные строения - настоящие халупы. Соседями по улице были Пулконины, Орловы, Буторины. Наша семья снимала большую комнату на втором этаже, с пятью окнами. Изначально в ней присутствовал камин, но папа установил вместо него печку-«американку», которую топили небольшими чурками (их кололи во дворе). Отец перегородил пространство и разделил его на четыре небольших закутка, получилась одна «комната» побольше - на два окна, две маленьких и за занавеской - хозяйственный уголок, где стоял «судник» (для самоваров и прочей утвари) и самодельный шкаф из красного дерева, обитый медью. Он служил сестрам вместо зеркала. Мама с папой спали на кровати, я и кто-то из девочек с ними в комнате, остальные трое - на раскладушках, которые выносились на день в сени, а к ночи разбирались.

Готовили с соседями по очереди на кухне внизу - там стояла большая русская печка. Существовал график, в какой день кто готовит. Так что мама пекала хлеб сразу на всю неделю.

- Соблюдали ли дома еврейские традиции?

- Можно сказать, что да. Отмечали праздники, готовили еврейские блюда. Мацу пекали по очереди в разных семьях, старались, чтобы посторонние об этом не знали. На праздники в Петрозаводск иногда приезжал, как мы говорили, «мишугенер лерер» - невысокий, худенький, заполошный учитель. Он организовывал самостоятельность, делал в разных семьях постановки, обучал еврейскому языку. Помню, как он однажды дал мне в руки лимон и какой-то венник, читал молитву, позже я понял, что это был праздник Суккот.

В детстве я понимал идиш, на котором частенько между собой общались родители. Потом в училище выучил еще немецкий, так что разговаривал довольно свободно и на одном, и на другом языке.

В Петрозаводске в годы моего детства жил ребе. Его двухэтажный деревянный дом с двориком и сарайчиком находился неподалеку от трех бульваров, ближе к озеру. На первом этаже он жил сам, на втором собирались люди. Сначала я заглядывал туда по просьбе мамы - резать кур, поскольку дома соблюдался кашрут. Потом приходил к ребе учиться - всего раз пять. Занятия давались легко. Освоил алфавит, стал понемногу читать и писать. Ходить перестал, поскольку ребе меня «обманул». Однажды, когда я особенно усердно читал что-то из молитвенника, на страничку упала монетка. Я удивился - отку-

да? Ребе сказал, что Бог послал за мои успехи. Я снова выразил недоверие - наверху же потолок! «Для Всевышнего нет преград, - сказал ребе. - Он захотел - и послал». Я рассказал об этом случае своему другу Изе (Ефрему) Рыбаку. (Позднее он окончил Петрозаводский государственный университет, работал на радио, стал руководителем Национального музея, вместе с И.М.Муло подготовил книгу об истории Петрозаводска). Семья Рыбаков была нерелигиозной, мать - коммунистка. Так что Изя меня поднял на смех. С тех пор учиться у ребе я перестал. Хотя помню, что позже, когда мне исполнилось тринадцать, меня вызывали десятим человеком на миньян. Видел я и свитак Торы, который мне показывал ребе.

Еврейское кладбище в те времена не было огорожено, территория была относительно небольшая, отмеченная камнями. В детстве я помню, памятники еще стояли, могилы были ухожены. По фамилиям знаю многих из тех, кто похоронен на этом кладбище. Там обрели покой мой отец и мамин родная сестра. В 1935 году папы не стало, когда его хоронили, сапожник Альшиц читал молитву, я повторял за ним. В 1971 и в 1983, когда я приезжал в Петрозаводск, сохранившихся надгробий было уже мало, большинство лежали на земле и были расколоты.

- Каким Вам запомнился Петрозаводск Вашего детства и отрочества?

- В двадцатые-тридцатые годы Петрозаводск был небольшим уютным городком, центр которого располагался между двух рек - Лососинки и Неглинки. Улицы были немошечные, застройка - деревянная. Существовали и далекие окраины - Зарека, Голиковка, где обитал рабочий люд. Жители центра хорошо знали друг друга, ходили в гости.

Когда мы переехали на проспект Ленина, папа купил корову. У нас во дворе был небольшой огород и сарай. Многие соседи (полюки Полозовы, семья Орловых) тоже держали крупный рогатый скот - надо было кормить детей. Днем пастух пас стадо, гонял его через весь город, а вечером животные возвращались и ждали, пока их впустят во двор. Потом мы держали коз, отец специально выстроил для них пристройку, кормушки. Уход за козами был уже моей работой. Я за ними убирал, пас их «в ямке» у платины, на пустыре. На зиму запасали воз сена - приезжали бородастые мужики в ушанках из Зонежья и привозили на ярмарки свой товар, мы у них покупали. Летом дети заготавливали в лесу веники, собирали в мешки листья - корм для животных.

Я учился сначала четыре года в учебном заведении первой ступени у педагога Клавдии Степановны Лузинной. Продолжил занятия в школе, директором которой была Александра Ивановна Иванова. Она вела у меня историю, я частенько отвлеклся, разглядывая через окно соседнее здание - городскую тюрьму, тогда она просила переключить внимание на урок. Учился я не очень прилежно, меня больше интересовал спорт и другие внешкольные занятия.

В 1938-39 гг. стал капитаном футбольной команды «Динамо», потом - городской хоккейной команды, ходил в стрелковый тир. Спорт не только доставлял удовольствие, но приносил конкретную пользу, поскольку нас обеспечивали всей необходимой экипировкой. На выпускной вечер мне перешили папин старый костюм серого цвета - из одежды ничего, кроме простенькой косоворотки и легких брюк, у меня не было. А в команде бесплатно выдавали все, что нужно: теплую одежду и обувь, клошку, коньки.

Помню, что приходил смотреть, как с огромного прекрасного собора, что стоял в центре города, напротив гимназии, снимали колокол... Храм разорили, разрушили, на его месте создали дом культуры, где открылись разные секции и кружки. Несмотря на трудную жизнь, в городе работали театр, кинотеатр «Звездочка», проходили концерты, на гастроли приезжали артисты. Мама, чтобы мы могли выжить, сдавала им время от времени одну из наших «комнаток» за перегородкой, чаще всего у нас останавливались Фридман и Герц, куривший ароматный табак.

В тридцатые годы в Петрозаводске был голод, многие уехали из города. По карточкам работающему на заводе отцу на день полагалось совсемсот граммов хлеба, иждивенцам - по четыреста. По норме получалась большая буханка и довесок. На берегу Онежского озера, неподалеку от пристани, существовал рынок, небольшие магазинчики, к одному из них нас прикрепили. Я ходил туда с раннего утра, стоял в очереди с матерчатой кошелкой, а на обратном пути облизывал хлеб - отщипнуть не решался, совесть не позволяла. Ели репу, брюкву, картошку, рыбу.

Помню, как начинали строить гостиницу «Северная», Дом Правительства (тогда - Совета министров). Мама покупала махорку, отправляла нас на стройку, и плотники за курево откладывали в сторону отходы щепы. В конце дня мы ее забирали и топили печку.

- С какими еврейскими семьями общались Ваши родители и Вы?

- Перечислю всех по памяти. Еврейские семьи дружили, дети вместе играли и учились. Фамилию «Кац» носили три семьи, одна из них проживала в том же доме, что и мы, на первом этаже. Ее глава торговал в лавке скобяными товарами и исполнял обязанности коменданта дома. Третий Кац - «Аба», как мы его называли, владел булочной, торговал свежим хлебом, булками, пирожными и сельтерской водой. Семья Рыбаков жила в том же дворе, что и мы. Отец Изи был финансовым сотрудником «Карелеса». Запомнились братья Гуткины - замечательные врачи. Общался я по медицинской теме и с известным доктором Иссерсоном - он меня осматривал, лечил, а однажды направил в Ленинград на обследование, которое я проходил у профессора Виноградова и приват-доцента Шварца, который мне и помог. В здании больницы мы детьми подрабатывали - после стирки бинтов сматывали их в клубки.

Большую роль в моей жизни сыграла семья Роскиных. Благодаря им, я заинтересовался фотоделом, под руководством Роскина-старшего мы своими руками собирали фотоаппараты, осваивали фотодел. Дружили с Фимой из семьи служащих Дрейцеров. Еврей Шеберштейн владел двумя магазинами в Гостином дворе. Семья Цигельницких представляла собой революционно настроенную интеллигенцию. Проживали также в Петрозаводске папин друг Авербух, женатый на русской экстравагантной актрисе, банковский работник Давыдкин, портной Пятков, часовщик Лившиц и Шлимович, сапожник Альшиц, слесарь Янкельсон, ломовой извозчик Марголин. У последнего был свой дом, мы вместе семьями встречали праздники - Марголин, в отличие от моего отца, отличался высокой набожностью. На Гористой улице, куда подъехать не было никакой возможности из-за неровностей местности, жили Шапиро. Знаю, что в городе были и другие еврейские торговцы - например, магазин «Пух, перо, вата» принадлежал семье, приехавшей в Петрозаводск позже остальных.

Моим первым увлечением в школьные годы стала дочь служащего Якобсона Виктория. Я ей очень симпатизировал, но подойти не решался, очень стеснялся. Из окна смотрел, как она идет в школу. Во время войны Якобсоны уехали в Казахстан, там Виктория вышла замуж, больше я ее не видел.

Хорошо помню музыканта, композитора Рувима Пергамента: в возрасте шести-семи лет, по настоянию папы, я учился у него игре на скрипке. Занятия проходили два раза в неделю, мы играли много гамм, упражнений, через полтора года мне это сильно надоело. Отец к тому времени заболел, контроль за мной ослабил, и я перестал брать уроки. Но музыка все равно осталась частью жизни: отец Изи Рыбака был виолончелистом-любителем, Изи играл на скрипке, потом поступил в училище, у них дома организовывались музыкальные вечера, в которых мы принимали участие. Доводилось общаться и с Л.Я.Теплицким, который руководил первым симфоническим оркестром Петрозаводска.

Вообще, хочу еще раз отметить, что евреи жили очень дружно, много помогали друг другу, между собой общались и дети, и взрослые.

- Кто из Вашей семьи воевал на фронте?

- Начнем с того, что мне довелось принять участие еще в Финской войне. Поскольку я был перворазрядником по лыжам, прямо из училища, где я начал учиться, меня бросили на Карельский перешеек обеспечивать связь. Отправили на фронт в курсантских сапогах и легкой шинельке, а морозы под сорок! Только через несколько дней выдали ватник, теплые штаны, портянки. Под них мы наматывали газеты. Спали, не раздеваясь, на хвойных ветках. Поскольку радийной специальности у меня не было, я работал в качестве «оленя»: перевозил радиостанцию для опытного радиста. Естественно, мы сразу сильно простыли, обшивели, начался бронхит, а потом сыпной тиф, меня с высокой температурой забрали в госпиталь в Ленинград.

Великая Отечественная война затронула всю нашу семью. Когда финны вошли в Петрозаводск, мама с младшей дочкой погрузились на баржи и с другими петрозаводчанами эвакуировались. Взять с собой не удалось ничего, кроме одного эмалированного кувшина. Потом два года добирались к маминой сестре в Самару, по пути подрабатывая в колхозах. Остальные сестры и я сразу попали на фронт.

Рива окончила фельдшерско-акушерскую школу, после чего ее сразу призвали на фронт хирургической сестрой. Как и я, она участвовала еще в Финской войне, а потом - и в Великой Отечественной, была очень мужественной, справедливой, прямой, имела награды.

Ида вышла замуж в Могилеве в 1939 году. Ее муж, инженер, пропал без вести в первые дни войны. В 1941 году, потеряв в родах детей-близнецов, она добровольно пошла в армию.

Я всю войну прошел в войсках связи. Сначала меня послали в истребительную бригаду на Карельский перешеек начальником переносной

радиостанции. Звания нам еще к тому моменту не присвоили, я был рядовым солдатом. Потом стал старшим радистом на автомобиле, где стояла авиационная станция. Через некоторое время получил звание лейтенанта, обмундирование, оружие. В дальнейшем проходил службу на офицерских должностях, руководил обучением радистов в Воронеже: тогда в армии была их острая нехватка, вышел сталинский приказ организовать специальные школы. В 1943 году был направлен в Новосибирск, в школу подготовки радистов, где и служил до окончания войны, неоднократно выезжал во фронтовые командировки.

После войны в Самару к маме переехали другие мои сестры. Все дети в нашей семье получили достойное образование. Сестра Ида приняла решение вернуться в столицу Карелии, где работала зубным врачом в военной поликлинике.

- Возникали ли у Вас когда-то проблемы, связанные с еврейством?

- В детстве мы почти не чувствовали проблем. Иногда обзывали, конечно, даже пытались поколотить, но со мной это не проходило: я был рослым сильным парнем. В военном училище никакого антисемитизма не было, мы все были на равных. Однажды, уже во время войны, меня арестовали представители СМЕРШа, но после вмешательства полковника Умирова, бывшего начальника училища, отпустили.

Бывает, что евреи меняют имена, чтобы скрыть еврейство. У меня получилось наоборот. Возникли проблемы в связи с тем, что я во многих документах прописан Григорием Натановичем, а отца звали Нота - юридическая казуистика. А самое смешное, что в 1943 году, когда я стал кандидатом на вступление в партию, мой командир, полковник, долго живший среди евреев в Белоруссии, сделал мне замечание. Дескать, негодяй звать Григорием - нет такого еврейского имени. Раз уж еврей - не стесняйся и пишиш Гиришем. Так пришлось послушаться его и по решению партийного бюро поменять документы с имени «Григорий» на «Гириш». До сих пор у меня хранятся бумаги, грамоты, награды, выписанные на разные имена.

Когда закончилась война, я решил учиться дальше и поступать в Академию. Но генерал Наварчук меня по-человечески отговорил: дескать, в войсках я принесу больше пользы, а в Академию меня все равно не возьмут. После войны служил на полигоне «Капустин Яр», в 1949 году был назначен командиром роты связи в учебном полку N 85 в г. Горький. С 1956 г. проходил службу в подразделениях особого риска. Принимал участие в войсковых испытаниях ядерного оружия на Тоцком полигоне, в должности командира радиобатальона.

Сложилось так, что мне давали военные звания медленнее, чем другим офицерам. Одиннадцать лет проходил майором, потом еще девятьнадцать лет - подполковником. За это время другие становились генералами. Однажды был случай, когда мою кандидатуру, как высококвалифицированного инженера, первоклассного радиста, предложили на должность руководителя радиопередающего центра Полевого узла связи Генерального штаба, но вышестоящий генерал-лейтенант Доленко сказал, что пока он начальник штаба войск связи, Кац центр не возглавит. И это при том, что в нашем подразделении всегда на ключевых должностях находились евреи - образцовая часть советских войск связи. Достаточно вспомнить такое имя, как Григорий Михайлович Княжицкий - специалист высочайшего класса, мудрый и энергичный начальник, замечательный человек. Он брал на работу людей, руководствуясь, прежде всего, их профессиональными и личными качествами. В качестве заместителя за пятнадцать лет службы я «пережил» восьмерых начальников центра, продолжая честно и профессионально делать свое дело. Княжицкий неоднократно говорил, что настоящим руководителем центра являюсь я, и вся ответственность лежит на мне.

До 1970 г. служил в Полевом узле связи Генерального штаба МО СССР, обеспечивал связь при всех совместных учениях войск стран - участниц Варшавского договора. Службу закончил в 1970 году в звании полковника. После выхода на пенсию с 1972 по 1984 г. преподавал радиомоделю в ДОСААФ, под моим руководством организовывались обучение и соревнования школьников.

Возникали трудности, когда пришла пора дочери поступать в вуз, устраиваться на работу. Но преодолели и это. Я ощущал, что всю мою жизнь меня как будто кто-то вел, направлял на правильный путь. Поэтому я уцелел, стал человеком, выжил в страшные годы, прошел две войны, обрел прекрасную жену, создал семью, не пострадал в сталинских репрессиях, дослужился до высоких званий. Я чувствую, что со мной всегда была поддержка свыше.

Беседовала Наталья Лайдинен

Голинкин и Шалапин

В паспорте великого русского певца Федора Ивановича Шалапина было написано «вятский крестьянин». Он был дружен с дирижером Мордехаем Голинкиным, уроженцем земледельческой колонии в Херсонской области. У Голинкина обнаружены музыкальный дар и способного мальчика приняла в сингапурский хор кантора Пинхаса Миньковского в Херсоне, у которого он и выучился нотной грамоте. В 15 лет Голинкин уезжает учиться в Варшавскую консерваторию, где быстро проявляет себя как лучший ученик по всем теоретическим предметам.

В 1896 году Голинкин окончил консерваторию. Его признали лучшим учеником по гармонии и композиции. С Шалапиным Голинкин познакомился в 1912 году. Шалапин был очень требовательным исполнителем и постоянно скандалил с дирижерами, однако от работы Мордехая Голинкина пришел в восторг. «Замечательный дирижер, исключительный», - так отзывался певец о Голинкине.

Их дружба продолжалась долгие годы. Шалапину никто перечить не мог. Но когда он порекомендовал администрации Императорского Мариинского оперного театра взять Голинкина дирижером оркестра на постоянной основе, то получил жесткий отказ. «Никакие рекомендации помочь не могут, евреи в Императорских театрах работать не могут по закону», - говорилось в ответе дирекции.

Шалапин смертельно обиделся за друга. «Ты должен немедленно уехать за границу, здесь тебе нечего делать», - сказал Шалапин Голинкину. Именно тогда Голинкин принял окончательное решение ехать в Эрец-Исраэль.

После революции по настоянию и рекомендации Шалапина Голинкин становится главным дирижером Мариинского театра. Но именно тогда Мордехай Голинкин, всю жизнь мечтавший о создании еврейского оперного театра в Эрец-Исраэль, должен был решить: Мариинский театр или Палестина.

Он сам написал потом: «В этой борьбе во мне взял верх еврей-палестинец. Бог с ним, с этим блеском, еду в Палестину. Решено окончательно». Голинкин начал сбор средств на создание оперного театра в Палестине. Он обратился к Шалапину с просьбой, чтобы тот дал в пользу будущего еврейского театра благотворительный концерт.

Шалапин не любил благотворительные концерты. Он говорил, что «бесплатно только птицы поют». Но другу Шалапин отказать не смог.

В Петрограде появились афиши: «21-28 апреля 1918 года концерты в пользу Фонда образования театра в Палестине при благосклонном участии Ф.И. Шалапина». Билеты стоили очень дорого. Большой зал Петроградского Народного дома был переполнен. 2,5 тысячи мест, но люди стояли в проходах между рядами партера. Вышел Шалапин. Язык песни был непонятен большинству зрите-

лей. Это была «Ха-Тиква» на иврите. По свидетельству очевидцев, песня в исполнении Шалапина произвела на слушателей, не понимавших слов, ошеломляющее впечатление.

Напомним, что «Ха-Тиква» - гимн современного Израиля. Слова были написаны Нафтали Цви Имбером. За 30 лет до создания независимого Израиля Федор Шалапин пел «Ха-Тикву» на иврите в Петрограде.

На том концерте Шалапин исполнил и песни на идиш. Доход от концерта составил 90 тысяч. Деньги были переданы в Фонд создания оперного театра в Палестине.

Собрать нужную для строительства оперного театра сумму Голинкину так и не удалось. Он уехал в Палестину и создал в Тель-Авиве оперную группу. 28 июля 1923 года в Тель-Авиве в кинотеатре «Эден» был дан концерт Израильской оперы. Этот день стал днем рождения оперы в Палестине. Молодой коллектив под управлением Голинкина поставил около 20 спектаклей: «Аида», «Гугеноты», «Риголетто», «Кармен» и другие.

Голинкин приглашал Шалапина стать художественным руководителем Палестинской оперы. Он готовил гастрольную поездку Шалапина в Палестину. Однако Шалапин заболел, и гастрольные билеты отменены. В письме Голинкину Шалапин писал: «Дорогой Марк Маркович! Спасибо, друг, за чудесное письмо. Мне приятно, что Палестина и все тамошние евреи помнят меня и мои порывы, которые я делал искренне, от всей души. К сожалению, я очень серьезно захворал - расширение сердца».

Отметим и участие Шалапина в спасении театра «Габима» от преследований завистливых недоброжелателей, которые добились закрытия первого ивритского театра. Шалапин обратился к Председателю Моссовета Льву Каменеву с ходатайством сохранить театр. Он привел основателя Габимы Нахума Цемаха к Каменеву на прием. На спектакль «Диббук» в «Габиме» Шалапин пришел вместе с К. С. Станиславским. На этом же спектакле «Габимы» присутствовал и Лев Каменев. Спектакль поразил гостей.

Шалапин тогда написал: «Прекрасному театру «Габима». Бросайте, бросайте в священный огонь вашего алтаря сердца, честные актеры! Знайте, что светом пламени вы озаряете мысль и открываете путь слепцам».

В январе 1926 года театр «Габима» выехал в Ригу на заграничные гастроли по разрешению советских властей. Любопытно, что это произошло после 300-го спектакля «Диббук», который был представлен в Москве 30 января.

Умер Мордехай Голинкин в 1963 году в Израиле. Федор Шалапин скончался в Париже в 1938 года.

<http://www.asia-israel.co.il/>

Еврейская община имеет честь поздравить
с Днем Рождения
ГОРНУЮ ВИУЛЕНУ АРНОЛЬДОВНУ
пожелать здоровья, бодрости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Еврейская община имеет честь поздравить
с Днем Рождения
ИОФФЕ ГАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
пожелать здоровья, бодрости
И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

**ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ НАДЕЕТСЯ НА ВЕЗЕНИЕ,
ПОБЕЖДАЕТ НЕВЕЗЕНИЕ**

Талмуд

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

МАЛИНЕНКО Инну Авраамовну

ГУТЦАЙТА Валерия Леонидовича

ЦЕХАНОВИЧА Бориса Соломоновича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

«Пракес» (голубцы мясные)

Мясо 140 г, хлеб белый 20 г, чеснок 3 г, сухари 12 г, сало говяжье 30 г, яйца 1/2 шт, картофель 300 г, соль

Мясо, нарезанное кусками, пропускают через мясорубку, соединяют с замоченной мякотью белого хлеба и еще 2 раза пропускают через мясорубку. Добавляют толченый чеснок, соль, перец, яйца и все хорошо перемешивают. Затем раскладывают на чистое, смоченное водой полотенце ровным слоем в 1,5-2 см, шириной 20-22 см, в длину - по размеру противня. На середину мясного фарша кладут ломтики круто сваренных яиц. Края фарша при помощи полотенца завертывают таким образом, чтобы яйца были внутри фарша. Полученный рулет скатывают по полотенцу на промасленный противень и смазывают яйцом. Поверхность рулета посыпают сухарями, сбрызгивают маслом и ставят запекать в духовку.

Баранина тушенная с чесноком

Мясо - 1000 г, капуста - 500 г, картофель - 200 г, морковь - 200 г, лук - 100 г, томатная паста по вкусу

Мясо - жирную говядину или баранину - разрезать на крупные порционные куски, обжарить до полуготовности, сложить в кастрюлю, добавить мелко нашинкованную капусту и морковь, мелко нарезанный лук, зеленый горошек, томат-пасту и тушить до полной готовности мяса и овощей. К концу варки добавить мелко нарезанный картофель.

Чаша кухня

Говядина под кисло-сладким соусом

Мясо - 1000 г, лук и морковь - по 60 г, 7-8 горошин душистого перца, 3-4 лавровых листа, жир - 60 г, сахар и уксус по вкусу

Говядину обмыть, освободить от пленок и костей, разрезать на отдельные порции и обжарить их с обеих сторон. Отдельно вскипятить воду с уксусом, лавровым листом, душистым перцем и сахаром. Полученным маринадом залить приготовленное мясо и тушить до готовности. Подавать с рассыпчатым рисом.

Эсик-флейш (кисло-сладкое мясо)

1 кг мяса, 2 луковицы, 2 столовых ложки смальца, кусочек медового пряника, 2 столовых ложки томат-пасты, 2 столовых ложки сахара, лимонная кислота, 2 столовых ложки сухарей, перец, 2-3 лавровых листа, 1,5 чайных ложки соли

Нарежьте мясо на куски, посолите и обжарьте до румяной корочки. Переложите в толстостенный котелок, добавьте перец, лавровый лист, мелко нарезанный лук, залейте водой и тушите около часа. Выньте мясо, процедите соус и снова положите в него мясо, добавьте сухари и натертый пряник, лимонную кислоту, томат-пюре и сахар. Тушите до готовности.

Приятного аппетита!